

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Сергей ДОНСКОЙ ТУМАННЫЙ
ВИРУС

Спецназ. Группа Антитеррор

Сергей Донской
Туманный вирус

«Автор»

2013

Донской С. Г.

Туманный вирус / С. Г. Донской — «Автор», 2013 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

С секретного военного склада похищена партия новейшего бактериологического оружия. Сотрудникам Антитеррористического центра удастся выяснить, что контейнеры со смертоносным вирусом были вывезены из России и в настоящее время находятся на территории Казахстана в руках террористов – непримиримых противников действующего казахского президента. В Астану срочно вылетает лучший оперативник Центра лейтенант Олег Белов. Ему приказано сделать все возможное для предотвращения теракта на территории сопредельного государства...

© Донской С. Г., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Прелюдия	5
Акт первый	9
I	9
II	13
III	15
IV	17
V	18
VI	20
VII	23
VIII	26
IX	29
X	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Донской

Туманный вирус

Прелюдия

Хотя солнце стояло уже высоко, было довольно прохладно. Пахло полынью, в небе сновали быстрокрылые ласточки. Им было хорошо. Лариса, свернувшись клубком, лежала на голой земле и дрожала. Ей было плохо. На ней были только короткая «вареная» юбка и майка – наряд проститутки, как говорил Абай. Он еще много чего говорил, но не это было самое страшное.

Шел 1994 год, стотысячные толпы русских беженцев валили из Казахстана, бросая дома, квартиры и рабочие места. Ограбленных, изнасилованных и зарезанных никто не считал, мародеров и убийц не преследовали, казахские милиционеры при случае сами были не прочь поживиться за счет тех, кто еще вчера были *братьями навек*, а теперь стали ненавистными *оккупантами*.

Мужа Ларисы повесили по приказу Абая на придорожном столбе, а ее вместе с десятилетним сыном вывезли в открытую степь.

– Мама, – спросил Стасик шепотом, – что с нами будет?

Под глазом у него расплывался синяк, губы были то ли искусаны, то ли разбиты до крови.

– Не знаю, – ответила Лариса, стараясь не клацать зубами.

Ей было холодно, и это был тот внутренний холод, от которого не спасают ни теплые одеяла, ни горячий чай. Да и кто бы тут дал ей одеяло, кто напоил бы чаем?

Стасик был уже взрослым мальчиком, но глядя на нее, вдруг скривил лицо, силясь подавить подступившие рыдания.

«Я не имею права его пугать, – подумала Лариса. – Кто угодно, только не я».

– Сыночек, – сказала она, – ты, главное, не бойся. Все будет хорошо.

– Здесь? – не поверил Стасик. – В этой стране? Они же не люди, мама.

– Они люди. В том-то и дело, сынок.

Подошел круглоголовый казах с перебитым носом, пнул Ларису в бок запыленным сапогом, замахнулся на Стасика нагайкой. Она называлась камча, к ее концу была привязана гайка.

– Заткнись, билять, – велел казах. – И ты, щенок, заткнись.

– За что вы с нами так? – спросил Стасик.

Ответом был хлесткий удар камчи.

Лариса закрыла глаза. Она ничем не могла помочь сыну. Ее щиколотки и запястья были стянуты грубой волосатой веревкой, врезавшейся в кожу. При малейшем движении натертые ссадины горели, как ошпаренные.

Она не задавала вопросов, она знала, *за что* им эта мука. За то, что она любила мужа и не давала жирному, похотливому Абаю. За то, что красива. За то, что родилась русской, в конце концов. И изменить что-либо было невозможно.

Все кончено, поняла она, когда очнулась в провонявшем бензином багажнике, связанная, беспомощная, отчаявшаяся. Дорога, занявшая полтора часа, показалась ей вечностью. Но лучше бы это путешествие никогда не кончалось. Потому что, вытащенная на свет божий, Лариса очутилась в совершенно ином мире, диком и первобытном. Здесь человеческая жизнь стоила немного, особенно если речь шла о таких бесправных существах, как русская мать и ее выкормыш.

Услышав взрыв хохота, Лариса открыла глаза. Абай стоял в окружении казахов в толстых полосатых халатах и что-то говорил им, указывая на нее. Мужчины выглядели оживленными.

Один из них, одетый в желто-зеленый клетчатый пиджак и меховую шапку, направился к пленникам. Остальные, весело переключаясь и задорно посвистывая, устремились к своим коням, пасущимся на пригорке.

Приблизившийся к Ларисе казах достал из-за пояса нож. Она похолодела. До сих пор она надеялась, что все закончится групповым изнасилованием, но, похоже, злопамятному Абая было этого мало. Но почему он не прикончил пленницу в городе, как сделал это с ее мужем? Зачем привез в эту степь, где было бесполезно звать на помощь? В небе кружили коршуны, присматриваясь к происходящему на земле. Они чего-то ждали. Чего? Об этом не хотелось думать.

– Со мной делайте, что хотите, а мальчика отпустите, – быстро проговорила Лариса.

Клетчатый ничего не сказал. Взмахом ножа он разрезал путы на ее ногах. Подошел Абай, остановился над Ларисой, переговариваясь с Клетчатым по-казахски. На шее у него зачем-то висел детский красный свисток. О чем он беседовал с Клетчатым, было непонятно. Ларисе удавалось разобрать лишь отрывочные слова: «игра», «победа», «награда».

– Что со мной будет? – спросила она, отстраненно наблюдая за тем, как заискивающе звучит ее голос.

– С тобой будут играть, – ответил Абай. – Знаешь, что такое *кокпар тарту*?

Она достаточно долго прожила в Казахстане, чтобы понять, о чем идет речь. Так назывались конные состязания здешних мужчин, проводившиеся по всем большим праздникам. В тонкости Лариса не вникала, но суть игры состояла в борьбе всадников за козлиную тушу. Для этого они делились на две команды по несколько человек и принимались скакать по округе, стегая нагайками лошадей и друг друга. Туша, заброшенная в очерченный круг, засчитывалась как гол.

Лариса непонимающе посмотрела в сторону гарцующих на месте всадников. Некоторые из них обматывали колени грязными вафельными полотенцами, другие поплотнее натягивали на головы шапки и почему-то кожаные танкистские шлемы. Они явно готовились заняться своим излюбленным спортом, но козла нигде не было видно, ни живого, ни дохлого.

Чтобы лучше видеть, Лариса попыталась сесть, но Абай толкнул ее ногой в грудь, опрокидывая на спину.

– Помнишь, я предлагал тебе сто рублей? – спросил он. – И пятьсот предлагал. Но ты отказалась. Ты была гордая.

«Я и сейчас гордая», – хотела сказать Лариса, но не сказала. Сейчас она не была гордой. Она покорно слушала убийцу своего мужа и все еще надеялась на какое-то чудо. Но чуда, как обычно, не произошло. Планета под названием Земля создавалась не для того, чтобы здесь творились чудеса.

– Тогда я обижался, – продолжал Абай, – но теперь даже рад, что ты не согласилась. Потому что, вместо того чтобы тратить деньги, я их заработал. Вот. – Он вытащил из нагрудного кармана толстую стопку червонцев и спрятал их обратно. – А трахнуть тебя, я все равно трахну. Даже мертвую, слышишь меня, русская сука?

Клетчатый что-то крикнул, пятясь. Абай поднял взгляд и бросился наутек. Земля под Ларисой задрожала от топота копыт. Подняв голову, она обмерла: десять или пятнадцать всадников скакали прямо на нее, гикая и приподнимаясь на стременах.

– Хой, хой, хой! – вопил оскаленный юноша в кожаной ушанке, умудрившийся вырваться вперед.

Лариса вся сжалась, ожидая, что конские копыта пройдутся прямо по ней, превращая ее в мясной фарш. Но тут гурьба всадников разделилась, объезжая ее с двух сторон. Только юноша скакал прямо. Стиснув плетку зубами, он свесился с коня и, не сбавляя скорости, схватил Ларису и швырнул ее поперек седла.

«Туша – это я, – поняла она, ударяясь лицом о пыльный сапог. – Вот какая у нас будет игра».

Проскакав еще сотню метров, юноша натянул поводья, заставив коня резко остановиться. Приподняв Ларису за пояс юбки, он бросил ее на землю. Остальные разразились возгласами, напоминающими тьяканье. Дул в свой свисток Абай. Где-то далеко-далеко кричал Стасик, зовя маму. Полуоглушенная, она посмотрела вокруг себя и уставилась на лес переступающих лошадиных ног, из-под которых летела пыль и травяная труха. Подняв глаза, Лариса увидела сияющие мужские лица – и кругло-гладкие, молодые, и почти старые, морщинистые. На всех этих лицах читалось одно радостное выражение: все они предвкушали забаву. «Улак, улак», – приговаривали они.

Пронзительно взвизгнул свисток. Хрипя и толкаясь, лошади дружно рванулись с места. Ближе всех к Ларисе оказался редкоусый дядька в танкистском шлеме. Он уже приготовился схватить ее за волосы, когда казах на маленькой белой лошадке стегнул его коня нагайкой, а сам вцепился в Ларисину майку. Материя порвалась, как мокрая бумага. Кто-то завыл волком при виде обнажившихся грудей.

Лошадиные копыта взрывали землю вокруг Ларисы, норовившей уползти из круга на четвереньках. Ее поймали за лодыжку, приподняли в воздух вниз головой и понесли дальше. Трава и комья летели ей в лицо. Пытаясь отбить ее у соперника, казахи вовсю махали своими плетками, и Лариса жалобно вскрикивала всякий раз, когда удары доставались ей. Потом ее ухватили за руку и стали тянуть в разные стороны, словно решили порвать на две части. Все это происходило на полном скаку, в глазах у Ларисы мутилось от жестокой тряски, ее внутренности ударялись друг о друга, норовя вывалиться из глотки. На степных колючках оставались пряди ее волос, волочащихся по земле.

Она не поняла, каким образом оказалась сидящей верхом – лицом к одноглазому всаднику с желтыми зубами. Чтобы не упасть, она была вынуждена держаться за его талию. За ними гнались, нахлестывая коней нагайками. Неожиданно Одноглазый заставил своего скакуна крутнуться волчком и погнал его галопом обратно. В его раздувающихся ноздрях пузырились сопли; держа поводья обеими руками, он больно кусал соски Ларисы.

Наслаждаться женским телом ему пришлось недолго. Участники игры окружили его и стали теснить, не переставая работать нагайками. В сумятице замелькало и приблизилось лицо юноши в ушанке. Изловчившись, он не только сдернул Ларису с коня, но поймал ее за юбку до того, как она свалилась под копыта.

Некоторое время она летела по воздуху с нелепо растопыренными руками и ногами, глядя на землю, проносящуюся под ней с головокружительной быстротой. Потом металлическая пуговица оторвалась, юбка сделалась свободной, Лариса выпала из нее и покатилась кувырком. Когда мир остановился, ее рот был полон крови, а надколотые зубы больно ранили язык. «Мама, мама!» – кричал сын. Она попыталась отыскать его взглядом и не сумела. Все плыло перед ее глазами. Копыто подскакавшей лошади ударило ее в бедро. Ларису подхватили под мышки, и она поволочилась за всадником, обдирая ступни до кровавого мяса.

Новому обладателю никак не удавалось затащить ее на седло. Тогда он намотал ее волосы себе на кулак, и она взмолилась о пощаде. Это было пустой тратой сил. Всадник обращался с ней так же бесцеремонно, как если бы она была обезглавленной тушей. Все казахи вели себя по отношению к ней с одинаковой жестокостью. С ней не собирались считаться. Она была для них русской сукой, жалеть которую было не только бессмысленно, но и позорно.

Чтобы не остаться без кожи, Лариса была вынуждена подтянуться и зацепиться ногой за стремя. Казах издал торжествующий вопль. Но радость была недолгой. Рядом оказался другой участник игры, который схватил Ларису за вторую ногу. Потеряв опору, она опрокинулась назад, и ее голова стала биться о землю. Оба всадника скакали параллельным курсом, яростно нахлестывая друг друга плетями.

Ларисе казалось, что ее ноги сейчас оторвутся от туловища с такой же легкостью, как это происходит, когда разделявают зажаренную птицу. Но тут один из всадников отпустил ее, она почувствовала секундное облегчение, ударилась затылком о камень и потеряла сознание.

Очнувшись, Лариса обнаружила, что лежит на земле, а к ней приближаются два новых всадника: один постарше, другой помоложе. Она была уже не в состоянии бороться за жизнь и лишь желала одного – умереть. Оба коня проскакали совсем рядом, роняя на нее хлопья пены. Ни одному из двух всадников не удалось завладеть Ларисой, зато третий подхватил ее на всем скаку, уцепившись за веревку, связывающую ее запястья. Ее руки выскользнули из плечевых суставов, и она снова отключилась...

Все это время Стасик кричал, зовя мать или обзывая казахов всеми грязными словами, которые успел узнать в школе. Потом он умолк и зажмурился. Он понял, что мать не спасти, она сделалась вся неживая, как тряпичная кукла, и перестала реагировать на происходящее.

Изредка открывая глаза, мальчик видел, как всадники теснят друг друга конями и размахивают плетками. При этом они непрерывно вопили – вопили от боли и от избытка чувств. А мама молчала. Ее уже трижды бросали в круг, но она даже не стонала и не пыталась прикрыться, хотя осталась совсем голая. Никто не мешал вонючим казахам пилиться на нее и лапать своими грязными руками.

«Я убью их, убью всех, – думал Стасик, закрыв глаза. – Если не сейчас, то потом, когда вырасту. Этих и других. Поступлю с ними, как они поступили с нами. С папой и мамой... С соседями и знакомыми. Они вышвыривали русских из окон, а тех, кто не мог убежать, забивали палками и камнями. Этого нельзя простить. Этого нельзя забыть».

Услышав хор торжествующих голосов, он приоткрыл один глаз. Казахи успели спешиться и сгрудились вокруг матери Стасика. За мужскими ногами и согнутыми спинами ее видно не было, но он знал, что она там, знал, что с ней делают, и знал, что живой ее не выпустят. Подергав путы на лодыжках и запястьях, Стасик завыл, срываясь на жалобный щенячий скулеж.

Примерно через час мама умерла. Мальчик понял это по репликам расходящихся казахов. Только она не умерла, ее убили, замучили до смерти. «Лучше бы они убили и меня тоже», – подумал Стасик. Но его и пальцем не тронули. Перед отъездом казах в клетчатом пиджаке перерезал на нем веревки, поставил его на ноги и указал острием ножа на север.

– Уходи, – сказал он. – Домой иди. И не возвращайся больше. Никогда не возвращайся.

«Я вернусь», – возразил Стасик мысленно, сделал шаг и рухнул на землю. Затекшие ноги не слушались его. Трогая их, он вдруг отчетливо понял, каково это – быть мертвым.

– Уходи, – повторил Клетчатый, забрался в «Волгу» Абая и уехал.

Всадники тоже уносились прочь, оставляя пыльный след, разносимый ветром по степи. Стасик сел, потом поднялся на ноги и, шатаясь, как пьяный, пошел туда, где лежала мама. *То, что еще недавно было мамой.* По пути он поднял ее джинсовую юбку и палку, которой надеялся выкопать могилу.

Ничего из этой затеи не получилось. Лечь рядом с мамой и помереть не получилось тоже – помешали жажда, голод и ночной холод.

А ночь, как назло, выдалась просто прекрасная. Каждая звездочка была на виду. Те, что поменьше, шли россыпями, будто известь или меловое крошево. Большие – переливались красным, голубым и зеленым, тянулись к заплаканным глазам тоненькими лучиками. Изредка, словно специально для того, чтобы скрасить одиночество маленького мальчика, вдали проносился поезд, оставляя позади бодрый перестук колес. А мама этого не видела и не слышала.

Бросив ее в степи, дрожащий Стасик обнял себя ледяными руками и ушел в ту сторону, куда показал казах в клетчатом пиджаке. Он так и не простил себя за это. И убийц мамы не простил тоже.

Акт первый В темпе адажио

I

Вертолет так долго летел сквозь туман, что казалось, будто он висит в молочной мгле, никуда не движется и так будет продолжаться вечно. Это был старый добрый Ми-8, правда, модернизированный: современнейшее бортовое оборудование, новехонькие топливные баки, могучие двигатели с электронно-цифровой системой управления, автономный комплекс обороны. Генерал армии Воротников мало смыслил в боевой технике, поэтому досадовал, полагая, что полет затягивается из-за устаревшей конструкции вертолета. Прерогативой генерала были интеллектуальные построения, а не технические конструкции. Под его руководством Антитеррористический Центр предотвратил бесчисленное множество массовых убийств на территории России и за рубежом. Когда же помешать теракту не удавалось, в действие вступало карательное подразделение – так называемые истребители, приводившие в исполнение смертные приговоры, негласно выносимые Кремлем.

Осознание своей ответственности наложило неизгладимый отпечаток на лицо и осанку Воротникова. Забывая контролировать себя, он часто хмурился и сутулился, словно атлант под тяжестью взваленной на него ноши. Сегодня это было заметно особенно. Генеральское лицо осунулось, под глазами набрякли мешки, плечи были опущены.

– Долго еще? – раздраженно спросил он у командующего Южным военным округом, сопровождавшего его в полете.

– Считайте, уже на месте, Петр Васильевич, – ответил Птицын.

– Когда сядем, тогда и буду считать, – осадил его Воротников.

Буквально через несколько минут вертолет прибыл в пункт назначения. По существу, этот военный объект не действовал со времен СССР, но охранялся по сей день, поскольку когда-то здесь размещался целый комплекс секретных лабораторий, в память о которых остались хранилища бактериологического оружия. Насколько было известно Воротникову, запасов хватило бы, чтобы уничтожить всю разумную жизнь на планете. Почему его до сих пор не уничтожили? Да просто потому, что разоружившаяся Россия сама подлежала уничтожению. «Да кому она нужна?» – взвоют либералы. И в самом деле. Кому нужна шестая часть суши, занимающая третье место в мире по запасам полезных ископаемых? Неужто американским империалистам? Да разве они когда-нибудь зарились на чужое добро...

Воротникову помогли выбраться из вертолета, и он стал оглядываться по сторонам, придерживая на голове большую генеральскую фуражку с лихо загнутой тульей.

Наземная часть сооружений состояла из нескольких приземистых зданий, обнесенных некогда зеленой оградой с облупившимися звездами и колючей проволокой по верху. В центре торчала сторожевая вышка, похожая на боевую машину марсиан из «Войны миров». Вокруг темнел дремучий лес, подпирающий вершинами низкое свинцовое небо.

– Показывайте, – скомандовал Воротников, ни на кого конкретно не глядя.

Свита немедленно пришла в движение, и Воротникова повели к зеленому кургану со входом в подземное хранилище.

Асфальтовые дорожки потрескались и поросли травой, на бывших газонах и клумбах рос бурьян, объект пришел в такое запустение, что мог бы послужить съемочной площадкой для фильма о конце света. На ржавых щитах с наглядной агитацией сидели вороны. Обстановка

была до того зловещей, что выдавшие виды офицеры в гиперболических зеленых фуражках невольно понижали голоса и бросали опасливые взгляды по сторонам.

Даже самому Воротникову, при виде которого тряслись и теряли дар речи грозные террористы, было не по себе. В бактериологическом оружии он разбирался еще хуже, чем в технике; знал только, что оно представляет собой всевозможные вирусы, токсины и грибки. Смертоносные. Настолько ядовитые, что достаточно было микроскопической дозы, чтобы посеять эпидемию и в считанные дни сделать безлюдным любой мегаполис.

Показывая дорогу, генерал Птицын спускался по лестнице первым, то и дело оборачиваясь, чтобы посмотреть на высокого гостя.

– СССР, а затем Россия разрабатывала бактериологическое оружие до девяносто второго года, – говорил он. – Но потом Борис Николаевич приказал свернуть все программы.

– Какой Борис Николаевич? – хмуро спросил Воротников.

– Ельцин, – ответил Птицын, не позволив себе выразить удивление по тому поводу, что кто-то мог не помнить этого. – Конечно, эту и другие лаборатории закрыли не сразу. Еще и сейчас кое-где... гм. Короче говоря, запасов бруцеллезы и туляремии у нас на века хватит.

– А также всевозможных разновидностей язвы, чумы, тифа и лихорадки, – вставил военный прокурор округа Раздолин.

Закончив долгий спуск, Воротников обернулся и смерил прокурора выразительным взглядом, отбивавшим всякую охоту хвастаться своей эрудицией. Потом посмотрел в глаза Птицыну.

– Что производили конкретно на данном объекте?

Командующий округом растерянно оглянулся на свиту.

– Ботулинический токсин КС усиленного действия, – подсказал коренастый полковник медицинской службы.

Они стояли в длинном низком коридоре с десятками труб и кабелей, протянувшихся вдоль стен. В неоновом свете лица военных выглядели мертвенно-голубыми. Суеверный человек мог бы принять их за мертвецов, собравшихся в склепе, чтобы обсудить свои тайны.

– Вдохнув воздух, содержащий КС, – говорил полковник, – вы не узнаете об этом. Лишь двенадцать часов спустя появятся первые симптомы отравления: нарушение зрения, рвота, затруднение дыхания. Через сутки наступает конец. Полный паралич мышц и дыхательной системы.

– А противоядие? – спросил Воротников.

– Против обычного ботулинического токсина существует вакцина, правда, действует она лишь в тех случаях, когда не произошли необратимые изменения мозга. А вот КС...

Полковник покачал головой.

– Расшифруйте, – потребовал Воротников.

– КС значит «Кровь Сатаны».

– Что еще за мистические бредни?

– Никак нет, товарищ генерал, – отважно возразил маленький полковник. – Все дело в бульоне.

– В бульоне, – машинально покивал Воротников, после чего вонзил в полковника раскаленный от бешенства взгляд. – Что-о? Вы издеваетесь?

– Никак нет, – повторил полковник, не отводя и не опуская глаз. – Я имею в виду так называемый мясопептонный бульон, в котором культивировались микроорганизмы для выведения токсина. Он был кроваво-красный. Вот разработчики и окрестили его «Кровь Сатаны».

– А, ну это понятно, – сказал Воротников, и вся свита с облегчением запыхтела, переводя дух. – Как фамилия?

– Ершов, – ответил маленький полковник, вытягиваясь во фрунт.

– Толково излагаешь, Ершов. Хочешь в Москву?

– Так точно, товарищ генерал армии!

– Будет тебе Москва, Ершов, – пообещал Воротников. – Я тебя обязательно разыщу.

Увы, через несколько секунд он напрочь позабыл про понравившегося ему полковника медицинской службы, потому что, пройдя до конца коридора и свернув за угол, увидел первый труп. Это был молоденький часовой с таким детским лицом, что его можно было принять за школьника, надевшего военную форму. Его стриженная под ноль голова влипла в лужу цвета загустевшего варенья. Рядом валялся автомат.

– Почему он не стрелял? – глухо спросил Воротников, отводя взгляд от несчастного мальчика. – Ответит мне кто-нибудь, черт подери?

В офицерской толпе произошла короткая возня, завершившаяся тем, что вперед был вытолкнут сверхъестественно румяный капитан в куцем зеленом плащике. Он был здесь единственным, носившим фуражку нормального размера, и явно страдал, терзаемый комплексом неполноценности. Представившись командиром части, несшей боевое дежурство на объекте, он замер, превратившись в бледную восковую фигуру с остекленевшими глазами. Переборов желание двинуть его кулаком в тупую физиономию, Воротников стал задавать вопросы и услышал, что, по всей видимости, часовой Дыбенко не открыл огонь по той причине, что видел перед собой хорошо знакомого человека.

Та же история появилась в самом хранилище № 5, где были обнаружены трупы двух солдат и одного сержанта. Их расстреляли в упор, о чем свидетельствовали обугленные пулевые отверстия на одежде. И до того, как прозвучала автоматная очередь, никто из троих не заподозрил неладного, потому что в руках убитых были ложки, банки тушенки и ломти хлеба.

– Старослужащие, – пролепетал капитан, словно это объясняло тот факт, что парней убили в тот момент, когда они перекусывали на вверенном им объекте.

– Много тут хранилось? – спросил Воротников, обводя взглядом пустые стеллажи, установленные вдоль стены небольшого помещения.

– Десять контейнеров, – ответил капитан

– Большие?

– Размером примерно с флягу.

Последнее слово вызвало у Воротникова определенные ассоциации.

– А ты где был, капитан? Пьянствовал, небось?

– Боже упаси! – ужаснулся капитан.

– Бог у тебя один, – наставительно изрек Воротников. – Главнокомандующий Вооруженными силами России. И херувимы иже с ним, то бишь непосредственное командование.

В свите зашептались, запоминая высказывание, чтобы впоследствии повторять его перед подчиненными. Сдерживая довольную улыбку, Воротников хотел было произнести еще одну крылатую фразу, когда тревожная мысль вспыхнула в его мозгу: «А что, если эти проклятые контейнеры с микробами перевернули или разбили? Что, если он сам и собравшиеся вокруг него офицеры уже получили смертельную дозу, и в их организмах идет необратимый процесс, который завершится летальным исходом?»

– Из чего сделаны эти фляги... контейнеры? – осведомился он.

– Сверхпрочный сплав, – сказал полковник, фамилия которого вылетела из головы Воротникова. – Внутри ампулы из специального стекла.

– А не могли ли злоумышленники распылить ботулин...

– Ботулинический токсин, – поправил командующий округом и запоздало прикусил язык.

– ...распылить ботулин здесь? – закончил мысль Воротников, награждая подсказчика испепеляющим взглядом.

Сопровождающие удрученно переглянулись и стали незаметно принохиваться.

– На всякий случай все помещения были обработаны специальным химсоставом и тщательно проветрены, – доложил капитан в плащике.

Хвалить его Воротников не стал. На объекте погибло семеро военнослужащих, а один бесследно исчез. Капитану светил трибунал, и выгораживать его Воротников не собирался. Трупы ему смотреть тоже расхотелось. На то имелись следователи военной прокуратуры и прочие специалисты. Его интересовало одно: кто расстрелял охранников хранилища и куда делись смертоносные контейнеры.

Устроив оперативное совещание на открытом воздухе под спешно натянутым тентом, Воротников пришел к неутешительным выводам. Скорее всего, преступление совершил Курбатов, командир роты, несшей караульную службу. Во всяком случае, старший лейтенант Курбатов не был обнаружен ни живым, ни мертвым. Между тем посторонний не сумел бы проникнуть в тщательно охраняемый бункер, открыть замки, снабженные секретными кодами, перестрелять часовых и беспрепятственно скрыться. Действовал свой. Хотя какой свой, к чертям собачьим! Это был враг! Коварный, расчетливый, безжалостный.

Старлей Курбатов? Почти наверняка он.

– Искать этого сукиного сына, – распорядился Воротников, завершая совещание. – Объявить перехват, подключить всех, кого можно, включая МВД. Прошерстить все связи до самых дальних родственников и случайных знакомых. Расследование провести в кратчайшие сроки, о выполнении докладывать мне ежедневно.

С этими словами, уставившись в пустоту воспаленными от недосыпания глазами, Воротников зашагал к вертолету. Почему-то он был уверен, что лейтенант Курбатов даст о себе знать раньше, чем его поиски увенчаются результатом. И, как обычно, глава Антитеррористического Центра оказался прав.

II

Президент Манарбек Султанбаев пробудился с первыми трелями соловьев, ощущая неприятный свинцовый привкус во рту. Ему приснилось, будто бы он ел дохлую рыбу, и он знал, что это не к добру.

Лидеру казахского народа, купающемуся в неопикуемой роскоши и наслаждающемуся всеми радостями жизни, тоже бывало несладко. Человек, чьим именем были названы улицы в каждом городе Казахстана, не всегда просыпался с улыбкой и уверенностью в завтрашнем дне. Он был немолод, его здоровье ухудшалось с каждым прожитым днем, и он боялся смерти.

Взмахом отослав слугу, заглянувшего в спальню, Султанбаев поднялся самостоятельно, сунул ноги в мягкие туфли с загнутыми носами и вышел в двадцатиметровый коридор, отделанный мрамором, палисандром и слоновой костью. Его дворец являлся настоящим украшением Астаны, привлекая к себе восхищенные взгляды всех, кто оказывался поблизости от «Белой ставки», как была наречена главная резиденция страны площадью сорок без малого километров. Один только монумент Байтерек, символизирующий гнездо сказочной птицы Счастья Завтрашнего Дня, чего стоил! А стеклянный шар, венчающий сооружение и заключающий в себе музей поучительной истории Казахстана? А фасад, украшенный чистым золотом? Во все это великолепие Султанбаев вложил около двух миллиардов долларов и ни разу не пожалел об этом. Если он и жалел о чем-то, то о том, что годы безвозвратно уходят, так что рано или поздно великий казахский народ осиротеет, останется без своего президента, который всем как отец родной.

Не сразу он завоевал всеобщую любовь. Много нужных и важных дел пришлось сделать, прежде чем люди к нему потянулись. А ведь в юности Султанбаев считался нелюдимуым, никуда не годным парнем. Рубаха у него была одна – прополощет в реке раз в месяц и наденет, пусть сохнет. Его изредка жалели, но чаще называли бестолковым лентяем. Друзей у него не было, замуж за него никто не хотел. Целыми днями просиживал он в полном одиночестве на холме за аулом, размышляя о жизни. И мудрые озарения приходили к нему, когда он смотрел на родную степь, медленно погружающуюся в сиреневые сумерки.

– Что он торчит на горе, полынй караулит, что ли? – смеялись люди.

Султанбаев не обращал на них внимания, сидел себе, обхватив колени руками, и смотрел вдаль задумчивым, невидящим взглядом, вслушивался в недоступные посторонним ушам звуки. И мир, огромный, необъятный мир раскрывался перед ним, как книга.

И ведь прочел Султанбаев эту книгу! Не зря просиживал на холме, пока другие в колхозе горбатились. Постепенно сам достаток приобрел и всю страну из нищеты поднял, пристроил к делу всех родственников и одноаульцев, женился, обеспечил любимых дочерей и внуков баснословными состояниями. Двум первым женам тоже кое-что перепало, чтобы не болтали лишнего. Но любил по-настоящему Султанбаев последнюю, третью, усладу своих глаз и души, луноподобную Айзаду.

Вспомнив о ней, своей ненаглядной певунье, он улыбнулся и зашаркал туфлями энергичнее. Миновав благоухающий зимний сад, проник в спальню супруги, сооруженную в виде юрты. Зная, как любит он предаваться любви на рассвете, Айзада уже не спала и была готова к приходу своего господина. В шароварах и тунике из воздушной лиловой ткани она казалась еще более соблазнительной, чем без одежды. Ее иссиня-черные распущенные волосы падали назад до самой талии. На пальцах сверкали драгоценные камни, а уши были украшены великолепными рубиновыми серьгами. Видно было, что она с особой тщательностью накрашила глаза, и от этого они казались огромными и загадочными.

– Здравствуй, радость моя, – сказал Султанбаев, переступая через атласные подушки, разбросанные по пушистому ковру.

– Здравствуй, господин мой.

Айзада опустилась на колени, склонив голову. Султанбаев поднял ее и поцеловал. Она тут же вернула ему поцелуй, нежно прильнув к его груди. Аромат, исходящий от нее, пьянил. Стоило положить руку на ее вздымающуюся грудь, как она вздрогнула и сладострастно застонала, изгибая спину, как кошка. «Вот какой я замечательный мужчина, – отметил про себя Султанбаев. – Стоит мне чуть-чуть приласкать любую женщину, как она истекает соком, будто спелый персик».

При таком умении было даже не обязательно обладать фантастической потенцией. Достаточно было небольшой утренней эрекции. Главная сила Султанбаева крылась в его сильных, опытных руках с холеными толстыми пальцами.

– Хорошо ли тебе со мной? – ласково спросил Султанбаев.

Айзада, успевшая сбросить одежду, сумела лишь закатить глаза и простонать:

– О, как хорошо!

Нет, было ничуть не жаль пятнадцати миллионов, отданных предыдущей жене за развод. И не зря, не зря Айзада получила титул «Мисс Казахстан». Распаясь все сильнее, Султанбаев опрокинул ее на ковер. Его неутомимые руки заставляли красавицу вскрикивать и трепетать, то дразня умелыми прикосновениями, то замирая, чтобы возбудить еще сильнее. Волны желания перекачивались по обнаженной фигуре Айзады. Султанбаев зорко наблюдал за ней, чтобы угадать приближающийся пик наслаждения и навалиться на нее всем своим еще не старым, чувственным телом. И он был готов, он был уже готов испытать бурю оргазма, когда телефон заиграл вступление к его любимой песне:

За-ачем на белом свете е-есть безответная любо-овь?

Если до сих пор лицо Султанбаева было просто красным, то теперь оно приобрело свежий оттенок от резкого прилива крови. Звонил министр внутренних дел Мухамбеков. Звонил, несмотря на строжайший приказ никогда не тревожить господина до десяти часов утра. Только в самом экстренном случае! Неужто такой случай настал?

«Если нет, – решил Султанбаев, – то не сносить Мухамбекову головы».

Голову на плечах министр сохранил. Выслушав его, Султанбаев поднялся с пола и направился к двери.

– Но, господин... – подала голос разругавшаяся Айзада.

– Отстань!

Используя вместо этого слова хлесткое, русское, матерное, Султанбаев удалился.

– Старый козел, – прошипела Айзада и отправилась в туалет.

III

Для того чтобы собрать ближайших соратников, времени много не потребовалось. Вся власть страны была сосредоточена вокруг «Белой ставки»: Парламент, Дом правительства, Верховный суд, министерства. Но еще до того, как объявить общую сходку, Султанбаев переговорил с министром внутренних дел без свидетелей.

В отличие от большинства восточных сановников Касим Нурмухамбекович Мухамбеков был сухощав, подтянут и энергичен. Его можно было назвать красивым мужчиной в полном расцвете сил, а близко поставленные, узкие глаза его, почти лишенные ресниц, сверкали магнетическим угольным блеском. Само же смуглое лицо оставалось непроницаемым, даже когда он волновался, а не волноваться этим утром он не мог.

– Беда, господин президент, – произнес он.

– Я согласен с тобой, уважаемый, – сказал Султанбаев. – Беда пришла в наш дом. Нельзя терять ни минуты, поэтому буду краток...

После такого вступления последовала длинная, витиеватая речь:

– Сейчас, – говорил Султанбаев, – век непростой, век термоядерный. Человечество живет под угрозой глобальной войны. Миллионы людей не могут спокойно спать по ночам, опасаясь, что будут уничтожены вражескими ракетами. – Он сделал небольшой глоток чая и отвел пиалу ото рта, держа ее на трех растопыренных пальцах. – Но я и мой народ избавлены от страха перед чужими ядерными боеголовками. Я сплю безмятежно. Слышу о русских ракетах и улыбаюсь. Слушаю американцев, хвастающихся своими ракетами, и тоже улыбаюсь. Никто и никогда не осмелится напасть на мою страну, потому что я принял меры. Помнишь, генерал, сколько ракет у нас осталось после распада СССР? Мы имели тогда четвертый по мощности ядерный потенциал в мире. Было, конечно, разоружение, был подписан Лиссабонский договор, а в девятую пятую уран и боеголовки были вывезены в Россию и Америку. Но в полном ли объеме?

Не зная, какого ответа ждет от него Султанбаев, министр МВД соорудил многозначительную мину и подвигал бровями.

– Этого никто не знает, – продолжал Султанбаев, облизывая липкие после шербета пальцы. – Мировое сообщество подозревает, что некоторое количество бомб и ракет мы припрятали. И очень хорошо, что подозревает. Потому что никто не отважится напасть на нас, рискуя получить ядерный удар в отместку. – Хихикнув, он прищурился так, что его глаза превратились в две хитрые щелочки. – Таким образом, мы стоим на одном уровне со сверхдержавами. И не позволяем совать нос в наши дела. Ни Америка, ни Россия нам не указчики.

– Это благодаря вашей мудрой политике, господин президент, – молвил Мухамбеков, слегка наклонив голову.

Возражать Султанбаев не стал, напротив, кивнул, как бы в такт собственным мыслям. Но лицо его помрачнело.

– К сожалению, – сказал он, – в мире существует другое, гораздо более выгодное оружие. Бак-те-ри-о-ло-ги-чес-кое. – Это не вполне привычное слово было произнесено по слогам. – А у нас его нет. И нам угрожают этим бак... бактериологическим оружием. – Расстроенный Султанбаев отодвинул вазу со сладостями так резко, что едва не опрокинул ее со стола. – Я правильно тебя понимаю, Касим?

– Правильно, господин президент, – уныло подтвердил Мухамбеков.

– И нас шантажируют...

– Еще как шантажируют, господин президент.

– Если бы они хотели денег, я бы их понял, – сказал Султанбаев. – Но требовать моей отставки! Они безумцы! Разве я могу бросить свой народ?

– Мы бы почувствовали себя осиротевшими, – заметил Мухамбеков.

– Они не просто безумцы, они подлые негодяи. Или уйду я, или будут уничтожены жители Казахстана. Мыслимо ли это?

– Нет, господин президент, невымыслимо.

Султанбаев встал и, поплотнее запахнувшись в халат, прошелся по комнате, как стратег, обдумывающий план решающего сражения.

– Я хочу... Нет, я требую, чтобы шантажисты были найдены и уничтожены. – Он остановился, тяжело дыша. – Нет, но какие наглещи! Чтобы я добровольно сложил полномочия! Ни стыда, ни совести нет у этих шакалов!

Мухамбеков тоже встал, одергивая ладно сидящий мундир с орденскими планками.

– Вы совершенно правы, господин президент. Ни стыда, ни совести.

– Должны ли мы объявить о полученном ультиматуме? – задумчиво спросил Султанбаев.

Ход его мыслей был ясен. Он предвкушал, как все станут уговаривать его остаться, если послание шантажистов будет опубликовано. Имея несколько иную точку зрения на сей счет, Мухамбеков поспешил возразить:

– Ни в коем случае, господин президент.

– Но почему? – воскликнул Султанбаев, ожидавший другого ответа.

– Шантажисты только и ждут, чтобы мы предали дело огласке, – пояснил Мухамбеков. – Так им будет легче оказывать на вас давление.

– Но почему? – повторил Султанбаев.

– Они хотят посеять панику.

– Панику? Зачем?

Мухамбеков откашлялся. Он чувствовал себя так, словно готовился ступить на тонкий, предательский лед.

– А вдруг народ испугается и поддержит требования этих мерзавцев? – заговорил он, тщательно подбирая слова. – Вдруг начнется разброд, волнения...

– А армия? – спросил Султанбаев, лицо которого приобрело восковой оттенок.

– У наших ближних и дальних соседей тоже были армии, – напомнил Мухамбеков. – И чем там закончилось?

Побледнев еще сильнее, Султанбаев снова заходил по комнате. Она была настолько обширна, что, удаляясь, его фигура становилась совсем маленькой.

– Сколько у нас времени на раздумье? – спросил он из дальнего угла, когда голос его был уже еле слышен.

– Пять суток. – Министр внутренних дел взглянул на часы. – Уже меньше. Сто восемнадцать часов.

Султанбаев быстро зашагал в обратном направлении. Пояс на его животе распустился, и полы халата развевались на ходу, словно от порывов ветра.

– Своими силами справишься, Касим?

– Конечно, – с достоинством ответил Мухамбеков. – Но мне понадобится помощь.

Только настоящий азиат мог дать столь хитрый ответ, соединив воедино два противоречия. Силясь сообразить, что его смутило в словах министра, Султанбаев наморщил лоб, однако так ничего и не понял.

– Хорошо, – сказал он. – Какую помощь ты имеешь в виду?

Генерал Мухамбеков объяснил. Через десять минут Султанбаев прижимал к уху трубку телефона правительственной связи.

IV

Вызванный к начальнику исполнительного отдела лейтенант Олег Белов прибыл на три минуты раньше и, к превеликому удовольствию секретарши, задержался в приемной. Секретаршу звали Зинуля, ей было сорок два года, но она все еще интересовалась молодыми людьми и верила, что они могут всерьез интересоваться ею. Белов, по ее мнению, был идеалом мужской красоты – весь такой утонченный, голубоглазый, опрятный. Даже не верилось, что он убийца. Ну, не убийца, а, как бы это поделикатнее выразиться, *исполнитель*. Ведь отдел числился исполнительным только на бумагах. Люди компетентные называли его истребительным. Это было гораздо ближе к истине.

Поглядывая на Белова, застывшего напротив каменным изваянием, Зинуля достала помаду и принялась подкрашивать губы, которые, в общем-то, в этом не нуждались. Гримасничая ртом, она сочла нужным предупредить:

– Будьте поосторожнее. Харон на взводе.

Хароном сотрудники прозвали начальника отдела, носившего прозаическую фамилию Харитонов. Души умерших он через Стикс не перевозил, а если бы и довелось ему оказаться с ними в одной лодке, то, скорее всего, Харон перетопил бы их к чертовой матери. Потому что вверенное ему подразделение Антитеррористического Центра имело дело с самыми гнусными представителями человечества, по которым веревка плакала. Но смертная казнь была отменена, вот и приходилось разбираться с террористами по-своему. Их судьбы решались самым кардинальным образом: без проволочек, юридических ухищрений и бумажной волокиты.

– Неприятности? – спросил Белов, кивнув на дверь.

Не далее как месяц назад он вернулся из Африки и все еще ходил с великолепным загаром. Пребывая в Уганде, Белов привел в исполнение смертный приговор, вынесенный двум грузинам, устроившим бойню в детском лагере. После этой поездки его синие глаза приобрели синий оттенок ранней ночи, а улыбка – прежде открытая, во все зубы – сделалась кривоватой и не такой сияющей. Краем уха Зинуля слышала, что в Уганде Белов прикончил не только грузин, но и нескольких их сообщников. Это наложило на его внешность определенный отпечаток. И перемены, как казалось Зинуле, были не в худшую сторону.

Украдкой полюбовавшись Беловым, она сказала:

– Харитона Христофоровича вызывал к себе Воротников.

– Да?

Реплика была, скорее, скучной, чем удивленной. Зинуле моментально захотелось проявить свою осведомленность.

– Сам, – она возвела взгляд вверх, подразумевая при этом не господ бога, обитающего где-то выше потолка, а главу Антитеррористического Центра, – побывал до этого у президента. – Она снова посмотрела на потолок. – Так что сам понимаешь, каша заварилась нешуточная.

– Да? – снова произнес Белов, взглянул на часы и открыл дверь в кабинет Харитонova.

Его мало волновала закулисная возня сильных мира сего. Он окончательно решил для себя, что его дело – искоренение нечисти на планете, и с нетерпением ожидал нового задания. Куда подевались сомнения, с которыми он совсем недавно летел в Уганду, где ему предстояла ликвидация братьев Беридзе. Вся жизнь его разделилась на до и после. Вернувшийся из африканского вояжа Олег Белов больше не задавался гамлетовскими вопросами. На Земле существовало зло, и кто-то должен был с ним бороться. Судьба распорядилась так, чтобы в числе прочих эту миссию взял на себя Белов. Он не возражал. Он сделал свой выбор.

V

Полковник Харитонов встретил его коротким, пристальным взглядом, похожим на выстрел в упор. Глаза его казались красными из-за обильных прожилок, проступивших в результате повышенного давления.

– Садись, – буркнул он, кивая на стул возле приставного стола.

Белов молча подчинился.

– Бывал в Казахстане? – спросил Харитонов, перебирая бумаги на столе.

– Чувствую, что вскоре побываю, – ответил Белов.

– Правильно чувствуешь. На, читай.

Харитонов протянул ксерокопию какого-то письма и прикинулся поглощенным изучением других документов.

– Что скажешь? – спросил он по прошествии пяти минут.

– Писал военный, – ответил Белов.

– Откуда такая уверенность?

– Специфические обороты речи, товарищ полковник.

– Например?

Белов хмыкнул.

– Все эти «сроки проведения операции», «уничтожения мирного населения». Лексикон человека армейского, привыкшего выражаться суконным языком.

– Правильно мыслишь.

– Спасибо, товарищ полковник. Есть какие-то зацепки?

– Зацепок немного, – сказал Харитонов. – Но, судя по всему, тут действительно приложил руку военный. – Вкратце рассказав о происшествии в хранилище бактериологического оружия, он заключил: – В похищении «Крови Сатаны» подозревается старший лейтенант Курбатов.

– Если это так, – медленно произнес Белов, – то письмо написал он.

– Или кто-то под его диктовку.

– И почти наверняка сейчас он находится на территории Казахстана.

– *Дружественного нам Казахстана.* – Сделав это уточнение, полковник поморщился. – С десятью контейнерами, содержащими смертоносные бактерии. В том случае, если президент Казахстана откажется сложить полномочия...

– А он откажется, – вставил Белов.

– Уже отказался, – подтвердил Харитонов.

– «Кровь Сатаны», – как ни в чем не бывало продолжал Белов, – будет растворена в воде, а вода эта распылена над Астаной. Погибнут сотни тысяч соотечественников Султанбаева. Но он останется у власти. Вцепился в нее, как коршун в добычу.

– Давай без поэтических метафор, лейтенант.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

После значительной паузы Харитонов продолжил:

– Султанбаев опасается, что имеет место заговор военных, желающих отстранить его от власти. – Он опять принялся перебирать бумаги. – Короче говоря, первое лицо Казахстана обратилось к нашему президенту с просьбой оказать содействие. Похоже, своим силовикам он не слишком доверяет. Воротников распорядился подключить тебя. Ты как? В норме?

– Готов оправдать высокое доверие, товарищ полковник.

– Ерничает?

– Никак нет.

– Ерничает. – Харитонов устало вздохнул. – А зря. Султанбаев – это так, хрен с ним. Но на кону сотни тысяч человеческих жизней.

– Я понимаю, – сказал Белов, хмурясь.

– Надеюсь, – проворчал Харитонов. – Тебя там встретят по высшему разряду. Всем силам МВД приказано оказывать тебе полное содействие.

– Злоумышленник и его сообщники аресту не подлежат?

– Иначе зачем было задействовать отдел ИС?

– Понял, – кивнул Белов.

Харитонов протянул ему флешку:

– Здесь все материалы, которые могут тебе пригодиться. Пока нарыть больше не удалось. Но там есть одна интересная деталь.

– Какая?

– Курбатов Станислав Степанович – уроженец Казахской ССР. В лихие девяностые его родители были убиты местным населением. Воспитывался в подмосковном детском доме, позже состоял в бандитской группировке, а потом вдруг взял да и поступил в военное училище.

– Неожиданный поворот судьбы, – заметил Белов.

– А может быть, закономерный? – сказал Харитонов. – Окончил училище, попал на секретный объект, похитил там эти распроклятые бактерии, после чего вернулся в государство, о котором у него самые плохие воспоминания.

– Н-да, не ностальгия же его туда заманила.

– Вот и я так думаю. Похоже на далеко идущие планы. Допустим, в Казахстане существует заговор военных, решивших сместить Султанбаева. Лейтенант Курбатов лишь пешка в их руках. Исполнитель.

– Не совсем с вами согласен, товарищ полковник, – сказал Белов.

– Вот как?

Харитонов не то чтобы насупился, но сделал недовольную мину. Какое начальство любит, когда подчиненные с ним не соглашаются? Однако Белов полагал, что служит в Антитеррористическом Центре вовсе не для того, чтобы ублажать полковника Харитонova. Даже если тот носит зловещее прозвище Харон.

– Вы сказали, – заговорил он, – что родителей Курбатова убили казахи. А не руководит ли им чувство мести?

Харитонов усмехнулся с нескрываемым чувством превосходства.

– Разумеется. Потому-то его и могли использовать люди в военных фуражках. Допустим, заговор возглавляет какой-нибудь влиятельный генерал. У него сохранились в России связи с нашими армейскими. Следишь за мыслью?

Белов кивнул с задумчивым видом.

– А что, очень может быть. Казахский генерал мог попросить нашего генерала посодействовать своему племяннику или совсем уж дальнему родственнику. Таким образом, Курбатов получил назначение на тот самый объект и провернул там кровавое дельце.

– Именно! – оживился Харитонов. – Именно, Олег. А теперь давай помозгуем дальше.

Белов кивнул. Забыв обо всем, в том числе и о времени, они приступили к детальной проработке возможных вариантов.

VI

Варианты прорабатывались и далеко от Москвы, на реке Нура, протекающей неподалеку от Астаны. Совещались трое – два дородных казахских генерала и один бывший старший лейтенант российской армии. Все были одеты в штатское и совмещали приятное с полезным, а именно: удили рыбу.

Улов не обещал быть богатым. В бытность СССР химический завод «Карбид», расположенный в Темиртау, сбросил в Нуру около тысячи тонн ртути, использовавшейся как катализатор. Долгое время здешнюю рыбу вообще нельзя было употреблять в пищу, даже самые голодные бродячие коты воротили от нее нос. Но потом правительство наняло китайцев, австрийков, набрало кредитов во Всемирном банке и занялось очисткой речных вод. Процесс, ко всеобщему удовольствию, был очень долгим, трудоемким и, главное, дорогостоящим. Невозможно подсчитать, сколько казахских чиновников сделали себе состояние на этом проекте, не говоря уже о Султанбаеве и его приближенных, допущенных к бюджетной кормушке. А кроме того, Нура действительно сделалась чище, и в ней появилась вполне съедобная рыба.

Место для вечерней рыбалки было выбрано не случайно. В паре километров размещалось подразделение ПВО, которое якобы прибыл инспектировать генерал-лейтенант Умурзаков. А за рекой простирался небольшой военный аэродром, куда прибыл с проверкой генерал-майор авиации Омаров. Старлей Курбатов тоже соблюдал инкогнито и, по существу, находился в стране на нелегальном положении. Если бы президент Султанбаев проведал об этой встрече и подслушал бы, о чем велись разговоры, всем троим не сносить бы головы. Возможно, в буквальном смысле этого слова.

Правда, застать заговорщиков врасплох было непростой задачей. Их охраняли вооруженные офицеры на вездеходах и целая рота автоматчиков, оцепивших степь по периметру. Эфир над рыболовами контролировался локаторами. На тот случай, если бы пришлось срочно покидать место у реки, неподалеку дежурил военный вертолет.

Однако, несмотря на такие меры предосторожности, поначалу на берегу Нуры все трое были заняты не столько секретными разговорами, сколько обсуждением фидерных снастей, привезенных Омаровым. Весь фокус заключался в том, что к удилице крепилась специальная клетушка с кормом для рыб. Курбатов, никогда особо не увлекавшийся рыбалкой, слушал знатока с несколько скучающей физиономией. Зато Умурзаков, тот прямо-таки приплясывал от нетерпения. Кто-то сравнил бы его с мальчишкой, которому не терпится завладеть вожделенным спиннингом. Но в голове Курбатова таких ассоциаций не возникало. У него были свои счеты с казахами. Он не позволял себе ни единой доброй мысли об этом народе, расправившемся с его родителями и тысячами других русских. Его отца повесили на столбе. Его мать использовали в качестве бессловесной козловой туши в молодецкой национальной забаве. Курбатов имел все основания ненавидеть всех казахов поголовно, и Умурзаков с Омаровым не являлись исключением. Но дело есть дело, и, скрывая свои истинные чувства, он терпеливо внимал узкоглазому генералу, размахивающему удочкой.

– Глядите, – говорил он на чистом русском языке, – вон та коса не даст течению сносить кормушку. Да и рыбка там наверняка кормится, хе-хе. Теперь крепим леску и пропускаем ее сквозь кольца, вот так. – Беспричинно похохатывая, он стал показывать. – И не забудьте про поводок для грузила...

Наконец забросили снасти и расселись на полевые брезентовые стулья, уставившись на поплавки. Перезабрасывать приходилось часто, что все сильнее раздражало Курбатова. Но лицо его сохраняло нейтральное выражение, а приборов для чтения мыслей пока не изобрели.

– Тише, – шипел Омаров, когда сетчатые кормушки товарищей плюхались в воду неудачно.

Порой начиналась мелкая поклевка, и тогда генерал Умурзаков выпрямлялся на своих пощелкивающих коленях и, выпучив глаза, резко вздергивал удочку. Подсекать он не умел. У Курбатова это получалось лучше, хотя ему тоже не везло. Таскал карасиков и окуньков только Омаров. Рыбалка была завершена, когда он выловил пузатого двухкилограммового язя, оказавшего бешеное сопротивление.

– Ну все, – пропыхтел он, вытирая пот со лба, – дело сделано.

Умурзаков, не поймавший даже жалкой плотвички, бросил на него взгляд, наполненный желчью.

– Дело еще и не начиналось, – процедил он, брезгливо кривя губы.

Курбатов молча смотал удочку, отцепил кормушку, наполненную раскисшей кукурузой, и закурил, отмахиваясь от докучавших комаров.

– Больше полусуток прошло, а Бабуин молчит, – продолжал нервничать Умурзаков.

Бабуином на самых верхах звали Султанбаева. За глаза, конечно. Бабуина Султанбаев не простил бы даже любимым внукам.

– Думает, – предположил Омаров, любуясь язем.

Умурзаков тоже посмотрел на рыбу.

– Долго он думает. – Ища, на ком бы выместить раздражение, он перевел взгляд на Курбатова. – Эй, лейтенант! Когда контейнеры привезешь?

Курбатов посмотрел на него тусклыми, ничего не выражающими глазами.

– Когда надо, – сказал он, – тогда и привезу.

Умурзакову захотелось достать пистолет и начать стрелять в тупую башку этого русского, пока в обойме не закончатся патроны. Стыдно было признать, но Курбатов переиграл его, навязав собственные правила игры. Поначалу предполагалось избавиться от русского летехи, как только он раздобудет контейнеры со смертоносным оружием. Однако Курбатов оказался не прост, ох, не прост. Припрятав добычу, привезенную из России, он заявил, что намерен присоединиться к двум заговорщикам на равных правах. То, что они заслуженные военачальники, его не смущало. Его вообще ничего не смущало, этого жилистого, желтоглазого парня с жестким лицом и свинцовыми глазами. Его можно было убить, но переубедить – нет. Пришлось соглашаться на его условия, потому что иначе долгие годы подготовки шли псу под хвост.

Конечно, Умурзаков с Омаровым давно обсудили и решили между собой судьбу дерзкого лейтенанта. Жить тому оставалось лишь до тех пор, пока Султанбаев не примет ультиматум. В том, что это случится, генералы не сомневались. Если бы по его вине погибли десятки тысяч соотечественников, его песенка была бы все равно спета. Хоть так, хоть этак, а Султанбаев должен был уйти со своего поста. После этого на телеэкранах появлялся идейный предводитель заговорщиков – председатель Комитета Национальной Безопасности Шухарбаев, – вводил в стране чрезвычайное положение, возлагал на себя полномочия временного правителя Казахстана и становился им пожизненно. Непосредственные организаторы переворота – генералы Омаров и Умурзаков – получали министерские портфели и кучу других хлебных должностей. Если какой-то безродный лейтенантик рассчитывал, что ему тоже что-нибудь перепадет, то он глубоко заблуждался.

Умурзаков посмотрел на Курбатова с легкой жалостью, как смотрят на без пяти минут покойника.

– Ты нам не доверяешь? – спросил он.

– Нет, – ответил Курбатов.

– Почему?

– А вы сами-то друг другу доверяете?

Генералы быстро посмотрели друг на друга и тут же отвели взгляды, словно боясь, что по глазам будут разгаданы их тайные замыслы.

– Не доверяете, – заключил за них Курбатов.

– стыдно, Стас, – упрекнул Омаров, который уже забыл, когда в последний раз испытывал душевное стеснение. – Мы тебя в люди вывели, а ты...

– В люди я без вас вышел. Самостоятельно. – Резкие черты Курбатова обострились еще сильнее.

– Без нас ты в бандиты вышел, – подключился Умурзаков. – А благодаря нам офицером стал.

– Ты нам как сын родной, – соврал, не моргнув глазом, Омаров.

Лицо Курбатова перекосило внезапной судорогой, он резко отвернулся и глухо произнес:

– Давайте без лирики. У меня условие.

– Как? – воскликнули генералы слаженным дуэтом.

– Еще одно? – закончил общую мысль Омаров.

– Распылять «Кровь Сатаны» буду я, – заявил Курбатов.

– Ты когда-нибудь управлял самолетом? – недоверчиво поинтересовался Умурзаков.

– Самолет для распыления устроен чуть сложнее мотоцикла. Я закончил курсы и получил удостоверение пилота-любителя. – Говоря это, Курбатов по-прежнему не оборачивался. – Это будет несложно. Ведь силы ПВО не станут атаковать мой самолет, верно?

– Верно-то верно, – буркнул Умурзаков. – Но мы не собираемся распылять бактерии над Астаной.

Курбатов пожал плечами. Он уже подавил вспышку ярости, ослепившую его, когда казахи сравнили его со своим родным сыном. Он повернулся к генералам.

– Я убежден, что Султанбаев будет упорствовать, – сказал он. – В этом случае придется прибегнуть к крайним мерам. Когда передохнет половина населения столицы, деваться ему будет некуда. Уйдет, как миленький.

– А если нет? – нарушил повисшую тишину Омаров.

– Тогда повторим удар. Толпы выживших растерзают Султанбаева на мелкие клочки.

Генералы обменялись испуганными взглядами. Им вовсе не хотелось заходить так далеко, но русский лейтенант был прав. Более того, на военном аэродроме стоял сельскохозяйственный самолетик, ожидавший своего часа. Курбатов повторил, что пилотировать его будет он сам, производя заправку распылительных емкостей непосредственно перед вылетом. Генералы возражать не стали. Честно говоря, ни одному, ни второму не хотелось прикасаться к опасным контейнерам. Отдавать приказ об уничтожении мирного населения им не хотелось тоже. Так почему бы не выполнить грязную работу чужими руками? Руками старшего лейтенанта Курбатова? Избавиться от него можно будет позже. Когда операция благополучно завершится.

Поразмыслив немного, генералы опять переглянулись и одновременно кивнули.

Но Курбатов на них не смотрел. Его взгляд был направлен на быстро удаляющегося капитана Рахымбекова из оцепления. Переведя глаза в сторону, он увидел раскачивающиеся камыши там, где, надо полагать, таился капитан, подслушивая разговор.

Выругавшись, Курбатов заорал:

– Стой!

Воровато оглянувшись через плечо, капитан побежал.

VII

Всю жизнь капитан Рахымбеков страдал от того, что его продвижение по службе было долгим и трудным. Награды, чины и должности всегда доставались другим, так же как и лучшие, жирные куски. И вот пробил его звездный час. Рахымбеков сразу заподозрил неладное, когда получил приказ обеспечить охрану столь незначительного мероприятия, как рыбалка на обмелевшей речке. Слишком большие силы были задействованы. Слишком много таинственного тумана напустили вокруг себя генералы.

И чутье не подвело капитана. Услышав, о чем беседуют с русским лейтенантом Омаров и Умурзаков, он решил воспользоваться счастливым шансом. Требовалось лишь поскорее добраться до дворца и напроситься на прием к президенту. Далее маячили столь фантастические перспективы, что Рахымбеков мог лишь щуриться, словно от ослепительного света, направленного прямо в лицо.

Но теперь он не щурился, его узкие от природы глаза округлились и смотрели под ноги, чтобы не оступиться. Услышав окрик, Рахымбеков только поднажал, торопясь добраться до вершины пригорка, где были оставлены автомобили. Опасаясь зацепиться ногой за камень или стебли, он не оглядывался, но чувствовал спиной, что его преследуют. «Ничего, ничего, – думал капитан, ловя воздух прокуренными легкими, – я проворный, я легкий, я успею». Он всеми силами старался подавить страх, парализующий волю, заставлял себя надеяться на лучшее.

А на что же еще ему было надеяться?

Поднявшись на холм, Рахымбеков всхлипывал и постанывал от изнеможения, но опережал Курбатова шагов на сто. Полные генералы вообще плелись мелкой рысью далеко вниз. Солдаты с автоматами тупо смотрели на командиров и не понимали, что происходит. Будучи молодыми, они не знали ни слова по-русски, а потому крики Курбатова ни о чем им не говорили. Может быть, офицеры решили немножко размяться? Или устроили марш-бросок, поспорив на бутылку? Не стрелять же в знакомого капитана, не получив четкого приказа?

Пользуясь растерянностью автоматчиков, Рахымбеков успокаивающе помахал им рукой и, задышав, ввалился в генеральский джип. Ключи торчали в замке зажигания; завестись и тронуться удалось сразу.

«Ушел! – пронеслось в голове капитана. – Слава Аллаху!»

Проводив его взглядами, солдаты уставились на незнакомого молодого мужчину в штатском. Они понятия не имели, кто он такой и как попал в компанию высшего командования. При этом Курбатов был русским, что настраивало казахских воинов против него.

– Эй, стой! – крикнул солдат по имени Жамал, сдергивая с плеча автомат Калашникова.

– Остановись, ты! – поддержал товарища Мансур.

Жамала Курбатов ткнул растопыренными пальцами в глаза, совершенно не заботясь о том, чтобы смягчить удар. Мансура схватил за уши и трижды шарахнул лицом о свое приподнятое колено. Парень сразу перенесся в царство грез, где звонкий девичий голосок запел о том, что будет ждать своего любимого у источника, пока кувшин ее не рассыплется и не обратится в глину.

Курбатов, который этой песни не слышал, запрыгнул в выданную ему «Ниву», сунул трофейный автомат между сиденьями и рванул с места так стремительно, что зад автомобиля еще долго водило из стороны в сторону.

Огромный черный джип выскочил на проселочную дорогу и запылил по ней, торопясь добраться до Астаны. Прямая накатанная колея уходила к горизонту по абсолютно плоской равнине под таким же плоским оранжевым небом. Мелкие облака походили на кусочки бара-

нього сала, плавающего в наваристой сорпе. Ни деревца, ни кустика вокруг. Только степь и два автомобиля. Рев их моторов разносился в чистом вечернем воздухе на многие километры.

Выехав на асфальт, Рахымбеков оглянулся и с удовольствием обнаружил, что темно-зеленая «Нива» по-прежнему отстает от мощного внедорожника. Расстояние между машинами не сокращалось, а даже увеличивалось. Сменяя руки на руле, Рахымбеков поочередно вытер потные ладони о велюровое сиденье и захохотал. Давало себя знать пережитое нервное напряжение. Все то время, пока он сидел в камышах, а потом бежал к машине, его жизнь висела на волоске. Но теперь опасность была позади. У русского придурка на жалкой «Ниве» не было ни малейшего шанса догнать резвый «Лендровер».

Пустынная дорога нырнула в узкую низину между двумя крутыми холмами. И тут у Рахымбекова от неожиданности сжалось в желудке. Поднимающаяся в гору асфальтовая полоса исчезала под массой овец!

Замедляя ход, «Лендровер» приблизился к отаре вплотную. Овцы блеяли, сталкивались друг с другом, шарахались из стороны в сторону, уворачиваясь от джипа, как мутная горная река обтекает скалу. Стаду не было конца, оно растянулось на добрую сотню метров.

Тут было несколько тысяч овец, грязных и голодных. Они двигались не только по дороге, но и по обочинам. Чтобы переждать этот поток лохматых тел, потребовалось бы не менее получаса!

Вне себя от ужаса капитан Рахымбеков принялся колотить ладонью по клаксону, но сигналы тонули в неумолчном блеянии. Пастухи, гонящие стадо, не торопились к застрявшему джипу. Да и чем они могли помочь?

Чувствуя, как его лицо и шея становятся мокрыми от пота, Рахымбеков оглянулся. «Нива», окруженная овцами, находилась в каких-нибудь сорока метрах от него. Курбатов уже приоткрыл дверцу, прикидывая, а не проще ли будет продолжить погоню пешком.

Понимая, что больше нельзя терять ни одной драгоценной секунды, Рахымбеков включил первую скорость и нажал на газ. «Лендровер» рванулся вперед. Изнутри казалось, что он рассекает шерстяные волны. Бампер опрокидывал овец, колеса переезжали их, проворачиваясь на лопнувших внутренностях. Капитана бросало то вверх, то вниз, он машинально шурился, когда кровавые брызги летели в стекла. Пастухи вопили что-то, потрясая посохами, но ничего поделать не могли. Овцы совсем потеряли голову от страха.

Пока джип, дергаясь и буксуя, прокладывал дорогу через стадо, «Нива» двигалась в фарватере. Когда расстояние между машинами сократилось до двадцати метров, Курбатов нажал на тормоз, бросил руль и потянулся за автоматом.

– Давай, давай, давай! – орал капитан Рахымбеков, которому казалось, что его джип ползет медленно, как черепаха.

Он был готов своими руками задушить каждую встречную овцу, каждого барана, включая тех двуногих, которые пустили стадо на дорогу. Неожиданно поток лохматых тел поредел. Рахымбеков ударил по газам одновременно с автоматной очередью, раскрошившей заднее стекло. В следующее мгновение «Лендровер» унесся далеко вперед, сделавшись слишком сложной мишенью.

Рахымбеков все прибавлял и прибавлял газу, зеленая «Нива» отставала все сильнее и сильнее. Угроза отдалялась, а потом и вовсе пропала где-то за очередным поворотом шоссе. Сколько ни смотрел Рахымбеков в зеркало заднего обзора, отражение «Нивы» там больше не появлялось.

– Ушел, – пробормотал он, а потом радостно загорланил во всю силу голосовых связок: – Ушел, уше-ол!!!

В следующее мгновение, бросив взгляд вправо, Рахымбеков больно прикусил язык и почувствовал соленый вкус крови во рту. По верху гребня, вплотную подступающему к дороге,

мчалась проклятая «Нива», окутанная клубами пыли. До нее оставалось тридцать... двадцать... десять метров.

Рахымбеков не успел поразиться дьявольской интуиции русского, сумевшего сократить путь и нагнать «Лендровер» по прямой. Мысли вылетели из его головы, сделавшейся звонкой и пустой, как выеденная дыня. Действуя автоматически, он притормозил, надеясь пропустить мимо машину русского, идущего на таран.

Избежать удара не удалось, и он был страшен. Протараненный «Нивой» джип вынесло на обочину, Рахымбеков вышиб плечом дверцу и вывалился на землю. Падая, он приложился затылком о камень, в глазах у него потемнело, там, во мраке, рассыпался разноцветный салют, а когда зрение прояснилось, он увидел склонившийся над ним мужской силуэт. Секунды две ушло на то, чтобы сообразить, кто это такой и как он здесь очутился.

– Ты ответишь, – хотел сказать Рахымбеков, но изо рта вырвалось лишь неразборчивое шамканье.

Столкновение стоило ему нескольких передних зубов.

Он попытался повторить фразу внятнее, но не успел. Прямо в лицо его летела гигантская рифленая подошва с засохшими стебельками, налипшими на каблук.

Чвяк! Рахымбеков услышал, как хрустит его переносица и лопаются губы.

– Не надо, – попросил он, царапая язык об осколки зубов.

Ничего не говоря, Курбатов исчез из поля зрения. «Ушел», – подумал Рахымбеков с облегчением. Курбатов появился снова, держа на уровне груди большой плоский камень. «Вернулся», – тоскливо подумал Рахымбеков.

Камень обрушился на его ладони, прикрывшие голову. Так повторилось несколько раз, а потом перебитые пальцы онемели, и Рахымбеков обнаружил, что не в состоянии шевелить руками.

– Закрой глаза, – посоветовал Курбатов.

Потом поднял камень и обрушил его на череп казахского капитана, будто давил жабу или крысу. Ноги Рахымбекова взлетели в воздух, упали и остались лежать на земле с неестественно вывернутыми ступнями. Курбатов провел по лицу тыльной стороной ладони и увидел на ней размазанные капельки крови. Чертыхнувшись, он полез в джип, чтобы поискать там воду, тряпку и привести себя в порядок.

VIII

Больше всех своих наград, полученных за долгие годы службы отечеству, Шухарбаев Нуртай Шухарбаевич любил эту картину в простенькой рамке. Она была ему дороже ордена «Парасат» и даже двух орденов «Данк» первой и второй степени. Картину нарисовал он сам в шестнадцать лет, когда свято верил, что будет знаменитым художником. Аллах же распорядился так, что Шухарбаев стал председателем Комитета Национальной Безопасности Казахстана. И это был не конец его карьеры. В самом ближайшем времени он рассчитывал сесть на государственный трон и не вставать оттуда, пока его не вынесут в мавзолей.

В свои шестьдесят четыре года Шухарбаев выглядел глубоким стариком. Причиной тому были нездоровые привычки, болезненная худоба и пергаментная кожа. Хотя, если разобраться, худоба и цвет кожи были результатом все тех же нездоровых привычек. Особенно одной.

Приторно острый запах гашиша пропитал все поры небольшой, но уютной комнаты, где Шухарбаев проводил большую часть свободного времени. Сидя на полу и привычно скрестив ноги, он набивал специальную трубку с дополнительным отверстием, позволяющим втягивать дым вместе с воздухом. Это избавляло от надсадного кашля, раздражающего легкие. Набив трубку, Шухарбаев прикурил от ароматной свечи, затянулся и застонал от удовольствия. Его охватила такая нега, что было лень выплюнуть крошку дурмана, попавшую в рот, и все же он это сделал. После нескольких затяжек Шухарбаев, похожий на высохшую мумию с молодо блестящими глазами, легко встал и, шурша по ковру мозолистыми желтыми пятками, подошел к своей картине.

По центру было изображено голубое весеннее небо. Ветер гнал над далекой холмистой грядой белые облака, похожие на кудлатых ягнят. На переднем плане серела полынная степь. Ее прорезала черная, еще не просохшая после дождей дорога. Вдоль размытой колеи тянулись следы босых ног. Чем дальше, тем слабее проступали они на дороге, уходя к горизонту. Это были следы юного Шухарбаева, покинувшего отчий дом...

Хлопок в ладоши, и в комнату вбежали две девушки с заварочным чайником, пиалами и подносом, на котором были разложены засахаренные фрукты, баурсаки и свежие лепешки. Подождав, пока ему нальют терпкого байхового чаю и добавят туда сливок, Шухарбаев махнул рукой. Девушки испарились, как по мановению волшебной палочки.

Не спеша потягивая чай, чтобы не ослабить действие гашиша, Шухарбаев приблизил лицо к полотну картины. Ах, если бы можно было нырнуть туда и окунуться в счастливое детство, когда не было болезней, страхов, сомнений! «За это можно все отдать», – как пелось в одной хорошей полузабытой песне. И свой нынешний пост, и сотни миллионов долларов, и дворцы, и даже возможность стать лидером нации. Но назад пути не было. Маленький Нуртай Шухарбаев ушел из дому и скрылся за горизонтом.

Слезы умиления выступили на глазах председателя Комитета Национальной Безопасности. Бережно проведя пальцем по шершавому холсту, покрытому мазками засохшей краски, он вернулся на прежнее место и принялся набивать трубку новой порцией конопли. Вспомнились горячие деньки жатвы, когда он с братьями и сестрами дни и ночи пропадал на току или в пути на станцию, куда свозили зерно. Степь была раскаленной, земля дышала жаром, натруженные руки горели от мозолей. Тем приятнее было вернуться домой и прилечь в тени высаженных отцом тополей...

Долго он сидел так, не открывая глаз, и перед ним возникали знакомые, родные с детства картины: то проплывали над юртами журавли, то проносились с топотом и ржанием табуны, то ползли к горизонту отары овец, то срывался со скал кипящий водопад, то вставало над землей рубиновое солнце, такое огромное, такое близкое, что, казалось, его можно было потрогать рукой.

Веки Шухарбаева сомкнулись окончательно, подбородок коснулся груди, из полуоткрытого рта вытекла ниточка слюны. Но отдохнуть сегодня ему было не суждено. В комнату заглянул адъютант, протягивая на ладони мобильный телефон.

– Что тебе? – спросил Шухарбаев, не сразу понявший, кого видит перед собой и кто такой он сам.

Адъютант сделал два робких шажочка вперед.

– Очень срочно, Нуртай Шухарбаевич. Прошу простить за беспокойство, Нуртай Шухарбаевич.

Шухарбаев протянул руку, требовательно шевеля пальцами. Он снова был тем, кем стал несколько лет назад – главой нацбезопасности державы. «Покой нам только снится, – подумал он со вздохом. – Кто это сказал? Неужели я сам? Нужно будет распорядиться, чтобы записали и сохранили для потомков. Такое сильное высказывание, такое мужественное».

– Слушаю, – тихо произнес он в трубку.

Повышать голос не было никакой необходимости. Люди, достаивавшиеся внимания Шухарбаева, ловили каждое его слово. Он редко кричал на подчиненных. Вполголоса получалось даже убедительнее.

– Здоровья вам и вашим близким, уважаемый Нуртай Шухарбаевич, – затараторил мужской голос, готовясь разливаться все в новых и новых любезностях.

– Ты кто? – спросил Шухарбаев.

– Водитель господина Султанбаева, Хафиз.

– Хафиз, Хафиз... А, припоминаю...

Прежде чем приступить к операции по смещению президента, предусмотрительный председатель Комитета Национальной Безопасности создал целую сеть осведомителей во дворце. Все они, от первого главы администрации до последней уборщицы, исправно информировали Шухарбаева о каждом шаге президента. Нынешнего президента. Которому осталось править страной совсем недолго.

– Что у тебя? – тихо спросил Шухарбаев, кашлянув в кулак.

– Завтра рано утром московским рейсом прибывает какая-то большая шишка из Анти-террористического Центра, – заговорил Хафиз. – Бабуин возлагает на него большие надежды. Послал Багилу встречать этого типа. Она вызвала меня на пять часов утра.

– Та-ак, – протянул Шухарбаев.

Багила Жунзакова служила в Службе охраны президента. Шутили, что она умеет все, что должен уметь настоящий мужчина, и даже больше, потому что помимо прочего владеет различными женскими хитростями, а также прелестями, которыми Аллах не наградил сильный пол. Шухарбаев несколько раз сталкивался с Багиллой в «Белой ставке», и, надо признаться, она произвела на него сильное, почти неизгладимое впечатление. Прекрасно сложенная, очень красивая, с умными глазами под идеально ровной челкой. Холодное, непроницаемое лицо Багилы казалось неживым, но тем заманчивее было представлять себе это лицо, искаженное пароксизмом страсти. Ее оперативная кличка была Багира. Был бы Шухарбаев, он бы занялся этой пантерой.

– Это все, – сказал Хафиз, не дождавшись реакции на свое сообщение.

– Нет, не все. – Шухарбаев закашлялся. – Зачем присылают человека из Москвы?

– Я не понял, Нуртай Шухарбаевич.

– У тебя мозгов нет?

– Мозги есть, – похвастался Хафиз. – Но, когда я вез Бабуина и Багилу, они от меня отгородились. Я успел услышать только про какую-то кровь шайтана...

– Сатаны? – уточнил Шухарбаев, давясь кашлем.

– Да, да, вы совершенно правы.

– Я всегда совершенно прав, кхе-кхе.

Горло сушило, очень хотелось пить, но приходилось терпеть. Шухарбаев уже понял, о чем идет речь. Султанбаев и его цепная пантера не зря секретничали в салоне бронированного лимузина, подняв стекло, отгораживающее их от шофера. Приезд сотрудника Антитеррористического Центра означал, что президент намерен бороться за свое кресло. Значит, началась контроперация. Что ж, без борьбы не бывает истинного удовольствия от победы.

– Когда у тебя день рождения, мой мальчик? – ласково поинтересовался Шухарбаев.

– Первого декабря, – ответил Хафиз.

– Я подарю тебе «Мерседес». Хочешь новый «Мерседес»? Черный, блестящий...

– О, господин!

– Ты его получишь, – пообещал Шухарбаев, полоща горло остывшим чаем.

– Но что я должен буду делать?

Было слышно, что Хафиз вне себя от радости. Шухарбаев улыбнулся.

– Ничего, – сказал он. – Вернее, выполняй все, что тебе прикажут на службе.

– И все?

– Пока все.

– Даже не знаю, как вас благодарить, Нуртай Шухарбаевич!

– Тогда не благодари. – Шухарбаев поднес пламя свечи к трубке.

– Как можно, что вы! Огромное вам спасибо.

– Не за что, мой мальчик.

Отключив телефон, Шухарбаев хрипло засмеялся, срываясь на кашель. Гашиш попался веселый, бодрящий.

– Не за что, – повторял он, пуская дым изо рта, – не за что.

Это-то и было самое смешное. Потому что бедняге Хафизу действительно было не за что благодарить своего негласного шефа. Чтобы дожить до следующего дня рождения, ему пришлось бы очень и очень постараться.

Хорошо понимая весь комизм ситуации, Шухарбаев смеялся и курил, курил и смеялся.

IX

Аэропорт Астаны приятно удивлял чистотой, порядком и масштабами. Пройдя паспортный контроль, Белов взглянул на часы. Срок, установленный террористами, сократился до четырех суток. Это напрягало. Когда время поджигает, лучше о нем не думать, иначе будешь суесться и наделаешь массу глупостей. Решив так, Белов подхватил с транспортной ленты свою сумку и услышал хриловатый женский голос, окликнувший его по имени.

Обернувшись, он увидел довольно высокую брюнетку с восточным разрезом глаз и густыми бровями, почти соединяющимися на переносице. Ей было лет тридцать или около того. Несмотря на жару, она была одета в черный деловой костюм, и мрачный цвет был ей к лицу. Ее смоляные волосы были уложены в строгую прическу в японском стиле.

– Я Жунзакова, – представилась она с едва уловимым акцентом.

– Багира? – уточнил Белов.

– Багила, – возразила она. – С ударением на последнем слоге.

– Рад знакомству, Багила с ударением на последнем слоге.

– А я не очень. Мне не нравится, что вы настроены на шуточный лад.

– На самый серьезный, – заверил Багилу Белов.

– Непохоже. У нас мало времени и очень много дел.

– Лучше бы наоборот.

– Мы думали, из Москвы пришлют настоящего специалиста, – сказала Багила, хмуря густые брови.

– Я настоящий, – сказал Белов. – Хотите потрогать?

Казашка фыркнула и отвернулась. Напрасно она злилась на Белова. Дурачась, он не забывал о работе. Его наметанный взгляд уже определил, что среди пассажиров и встречающе-проводящих крутятся типы, интересующиеся конкретно ими двоими.

– Скажите, – произнес он, – преследуют ли вас ревнивые ухажеры?

– Вынуждена вас огорчить, – ответила она, – жених у меня есть.

– Я имею в виду сразу нескольких ухажеров, – сказал Белов. – Трех... Нет, даже четверых. – Он безмятежно улыбнулся. – За нами следят, милая Багила. Только не вертите головой слишком наглядно.

Она демонстративно посмотрела по сторонам.

– Во-первых, я вам не милая, в чем, надеюсь, вы очень скоро убедитесь. Во-вторых, за мной не следят, меня сопровождают. Три человека из личной охраны президента, как вы верно заметили.

– Я сказал – четыре, – возразил Белов.

– А вот тут вы ошиблись, – высокомерно улыбнулась Багила. – Что, у страха глаза велики?

Это было обидно. Это было оскорбительно. Каким бы опытным ни считал себя Белов, а все же он был еще совсем молод, и насмешка красивой женщины больно задела его самолюбие. Еще никто не обвинял его в трусости. Он никому не давал поводов поступать так.

– *Немилая* Багила с ударением на последнем слоге, – сказал Белов, глядя в агатовые глаза казашки, – в таких вопросах я не ошибаюсь. За нами ведут наблюдение четверо. Один в костюме начинающего банковского служащего. Второй в матерчатой белой кепочке, сейчас он давится сникерсом, который ему явно в горло не лезет. Третий крутится возле кофейного автомата, у него приметные шорты редкого свекольного цвета. И последний, в майке с листочком конопли, вылитый хиппи... – Белов поискал глазами человека, о котором говорил. – Гм, куда же он подевался?

– А был ли мальчик? – усмехнулась Багила, демонстрируя знание русской классической литературы.

– Был, – буркнул Белов.

– Трех мужчин вы описали правильно. А вот с хиппи промахнулись.

Сопровождающие перетаптывались на местах, дожидаясь, пока Багила и Белов тронутся с места. Наблюдение они вели пристально, но непрофессионально. Становилось понятным, почему Султанбаев обратился в Центр Антитеррора с просьбой прислать специалиста.

После развала Советского Союза в Казахстане при формировании собственных спецслужб была взята структура КГБ, но уволены все русские, а на их место приняты «нацкадры». Кроме того финансирование силовиков урезали чуть ли не до нулевой отметки, зато дали им негласное разрешение «подрабатывать» на стороне, чем те с радостью и занялись. Ознакомившись с досье по Комитету Нацбезопасности, Белов обнаружил, что эта организация долгое время была чем-то вроде домашней разведки президента, заодно собирая компромат на самого Султанбаева и его семью. По мнению экспертов ФСБ России, самой серьезной силовой структурой являлась Служба охраны президента, СОП. О том, что представляют собой ее сотрудники, Белов успел получить представление, и было оно нелестным. Не вызвали у него доверия ни бестолковые топтуны, ни заносчивая Багила-Багира.

– Вам приказано меня сопровождать? – сухо осведомился Белов, выделив слово *приказано* интонацией и глядя поверх головы казашки.

– Меня *прислали* вас встретить и доставить по назначению, – произнесла она таким же неприязненным тоном.

– Так доставляйте.

– Прошу.

Последовал вежливый, но не слишком гостеприимный жест.

Идя рядом, но на некотором расстоянии друг от друга, чтобы случайно не соприкоснуться плечами, Белов и казашка покинули здание аэропорта.

«Скорей бы обратно, – думал он на ходу. – Не очень-то мне здесь рады. Да и я чувствую себя не в своей тарелке. Зачем ко мне приставили эту высокомерную красотку? У страха, говорит, глаза велики. Дура! Ведь четвертый, в майке с листочком конопли, был, точно был, я его срисовал. Темнят казахи. Не доверяют. Ну и шут с ними. Несколько дней как-нибудь перетерплю».

Задумавшись, Белов забыл пропустить спутницу в двери первой, за что заработал недовольный взгляд и очередной минус на свой счет. Плевать! Снаружи Белова встретило яркое утреннее солнце, от которого все мрачные мысли мигом вылетели из головы. Оглянувшись, он полюбовался зданием аэропорта, центральная часть которого представляла собой гигантский купол, горделиво возвышающийся над терминалами.

– А ведь красиво, – сказал он.

– Мне все это говорят, – ответила Багила, вскинув точеный носик. – Вы не оригинальны.

Оказывается, ей послышалось, будто он назвал ее красивой. Можно было ее поправить, но Белов не стал. В конце концов, она действительно была хороша собой. Ничуть не хуже купола аэропорта.

Х

Белову было обещано, что дорога до города займет минут десять-пятнадцать в зависимости от интенсивности движения. Ехали в черном правительственном «Мерседесе» с дымчатыми бронированными стеклами. Статный шофер носил униформу и револьверную кобуру, прикрепленную на милицейский манер сзади. Его звали Хафизом. Укладывая в багажник сумку Белова, он поинтересовался погодой в Москве и сказал, что переписывается с русскими девушками. Вообще парень показался Белову чересчур общительным, даже навязчивым, поэтому, усевшись в лимузин, он первым делом поднял толстое, слегка затемненное стекло, отделяющее пассажиров от водителя.

Оглянувшись, Хафиз подмигнул, мол, все в порядке, я не в претензии, и взялся за руль.

– Он и с президентом так болтает? – спросил Белов, кивнув на его спину за стеклом.

– Манарбек Султанбаевич его даже за стол с собой иногда сажает, – ответила Багила. – Хафиза все в администрации любят. Хороший парень. Веселый, отзывчивый.

– Хороший шофер должен быть угрюмым и молчаливым.

– Это, может быть, у вас в России все угрюмые и молчаливые. А у нас принято проявлять дружелюбие.

– А, – воскликнул Белов, – теперь я понял, что меня в вас подкупает. Дружелюбие.

Багила замкнулась и уставилась в окно, за которым проносились шеренги молодых деревьев. Хафиз говорил по телефону, однако сквозь прозрачный бронированный лист в салон не проникало ни звука. Оглянувшись, Белов увидел, что позади их «Мерседеса» следует еще один, с охраной. Должно быть, Хафиз поддерживал связь с ними. Или просто выказывал им пресловутое казахское дружелюбие.

Астана появилась впереди, как макет сказочного города на подставке. Над белой россыпью зданий маячили причудливые очертания небоскребов, похожих на заточенные карандаши.

– Хороший город, – отметил Белов, на этот раз не решившийся употребить определение «красивый».

Багила польщенно улыбнулась.

– Вот увидите Астану поближе, так сразу влюбитесь.

– В кого?

На упругих скулах Багилы проступил румянец.

– В Астану, – ответила она. – Это самый замечательный город на свете.

– Да-а? – удивился Белов.

– Конечно.

В подтверждение ее слов над дорогой проплыла растяжка, гласившая:

«АСТАНА – ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ НОВОГО, ДИНАМИЧНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ КАЗАХСТАНА, СИМВОЛ ОБНОВЛЕНИЯ, СИМВОЛ НЕЗАВИСИМОСТИ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ».

– Народ и партия едины, – пробормотал Белов. – Да здравствует великий и могучий Советский Союз, оплот братских республик.

Багила подозрительно покосилась на него.

– Что вы сказали?

– Мысли вслух.

– Мне кажется, это плохие мысли. И они направлены против моей страны, против моего народа.

Патриотка? Идиотка? Или просто запуганная режимом женщина, которая разучилась прямо говорить то, что думает? Ведь при Султанбаеве, как при Сталине, жить становится все лучше, жить становится все веселее. В Казахстане уже отмечают День лидера нации, которого

лизоблюды (вообще-то Белов применил другое, более емкое слово: «жополизы») сравнивают с Джорджем Вашингтоном (не в пользу для последнего) и называют отцом-основателем казахской государственности. Усомнивших в мудрости *отца народа* ждет скамья подсудимых или как минимум увольнение с работы, а то и выселение из квартиры. Султанбаева называют бриллиантом во плоти и говорят, будто у него быются одновременно два сердца – одно в груди, второе в мозгу (Белов мысленно указал еще одно местечко, где могло бы биться третье сердце самого великого из величайших).

– Признайтесь, Багила, – сказал он, – у вас ведь всю процветает культ личности?

– С чего вы взяли? – надулась казашка.

– Ну как же... – Белов хмыкнул. – Я читал, что Султанбаев не исчезает с телеэкранов, про него снимаются фильмы, его именем называются улицы и пароходы.

– Прежде чем критиковать других, на себя посмотрите, – парировала Багила. – Ваш, вон, спортом занимается с утра до ночи, тигров за усы дергает, на медведя с рогатиной ходит. А потом собирает журналистов и несколько часов подряд рассказывает, какой он хороший.

Белов почувствовал себя так, словно его ударили ниже пояса.

– Вы преувеличиваете, – только и смог пробормотать он. – Передергиваете факты.

– А вы тем более, – отрезала Багила.

Не стоило втягивать ее в этот глупый диспут. Все-таки она служила в охране президента, а салон лимузина вполне мог прослушиваться. Если так, то, дав волю языку, Олег Белов возстановил против себя Султанбаева или его приближенных. Нет, не зря говорят, что язык мой – враг мой, а молчание – золото. Торопясь сменить тему, он сказал, глядя по сторонам:

– А ведь вы были правы, Багила.

– В чем? – подозрительно спросила она.

– В том, что я влюблюсь.

– Что-о? В кого?

Багила смотрела на него так, словно он был псом, не только обнаружившим дар речи, но и по-свойски заговорившим с хозяйкой.

– В Астану, – ответил Белов. – Как вы и обещали. Действительно замечательный город. Казашка просияла.

– Вот видите! – торжествуя воскликнула она. – Я бывала в Москве, в Лондоне, в Париже... Но Астана мне милее всех столиц на свете. Жаль, что мы не сможем проехать по улице Орынбор. Она такая широкая, такая светлая.

– Почему же по ней нельзя проехать? – удивился Белов, обративший внимание, что «Мерседес» давно свернул с главной магистрали и теперь движется по каким-то закоулкам промзоны со складами и цехами.

– Это вопрос совести нашего президента, – сказала Багила.

– При чем тут совесть, не понял?

– Выступая недавно по телевидению, Султанбаев подверг резкой критике чиновников, разъезжающих на дорогих иномарках. У нас производятся свои автомобили, а им «Мерседесы» подавай, сказал он. Мол, это полное бескультурье, необразованность и низкопоклонство перед Западом.

– Народу, конечно, понравилось, – догадался Белов.

– Очень, – подтвердила Багила. – Но оппозиционеры, эти подстрекатели, предложили президенту подать пример остальным и самому пересечь на «Ниву» или «Ладу», которые собираются в стране.

– И что президент?

– Он пообещал, что на центральных улицах Астаны больше не будет никаких «Мерседесов», и держит слово.

– Но от «мерса» все же не отказался, а?

– А он этого и не обещал, – сказала Багила с такой убежденностью в правоте Султанбаева, что рот Белова сам собой разъехался до ушей.

Примерно полминуты он от души смеялся, а потом просто сидел в своем углу, вытянув ноги и наслаждаясь комфортом.

Легкая пикировка с чернобровой казашкой, сознание важности своей миссии и азартное предвкушение новых приключений – все это соединилось в нем в общее радостное ощущение жизни. Чувство это было так сильно, что хотелось двигаться, действовать, дышать полной грудью.

Никогда еще Белов не любил жизнь и себя в этой жизни так сильно. Приятно было даже испытывать легкий голод и давление в ушах, сохранившееся после перелета. Дышалось и то как-то по-особенному. Обычный солнечный день и безликий пейзаж за стеклами казались ему преисполненными очарования. Было приятно чувствовать запах своего одеколona, духов Багилы и ароматов дорогого лимузина. Все, что он видел в затемненное окно «Мерседеса», все в этом искусственном сумеречном освещении было таинственно и маняще: и рифленые выпуклости складских модулей, и резкие очертания производственных зданий, и фигуры изредка встречающихся прохожих, и косые утренние тени, отбрасываемые на рыжий асфальт.

Все виделось, как в первый раз... как *в последний раз*...

Поймав себя на этой мысли, Белов похолодел. Неожиданно он понял, что состояние, испытываемое им, называется предчувствием смертельной опасности. До того близкой, что от ее ледящего дыхания волосы на макушке и затылке становились дыбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.